

Алексеев Илья
Антихрист

Илья Алексеев

Антихрист

«Издательские решения»

Алексеев И.

Антихрист / И. Алексеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830802-4

Мы все знакомы с историей Христа, но кто знает, как сложилась судьба Антихриста? Ведь он родился в тот же день, но Библия о том умалчивает. Однако теперь история готова приоткрыть тайны забытого прошлого. Так кто же такой все же Антихрист? Бог, повелитель демонов или обычный человек, потерявшийся в вечности? Пора ответить на все эти вопросы.

ISBN 978-5-44-830802-4

© Алексеев И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	9
3	13
4	15
5	17
6	20
7	23
8	27
9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Антихрист

Илья Алексеев

© Илья Алексеев, 2016

ISBN 978-5-4483-0802-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

Сегодня я решил перестать молчать и рассказать свою историю. Кого-то удивит, что после двухтысячелетнего безмолвия я вдруг заговорил. Мне пришлось пройти через многое: от распятия на кресте до концлагерей Адольфа Гитлера. На моей памяти одно кровавое тысячелетие сменило другое. В моей голове столько ответов, что ко многим из них современный человек не готов, и при раскрытии всех секретов он примет их за бред сумасшедшего, поэтому отвечу лишь на малую часть всех ваших вопросов. Моя история удивительна уже тем, что я помню день своего рождения. В Библии написано об ангеле, который спустился на Землю с известием о рождении спасителя. И, действительно, через 9 месяцев родился мальчик, который вошел в Летописи как Иисус, но эта не я. Моя же история берет начало в ту же ночь в соседнем доме. Как сейчас помню, как свет свечей ослепил меня, в ту же секунду мою грудь впервые наполнил воздух, я с непривычки чуть было не подавился им, поэтому сильно напугался умереть так и не начав жить. Мое маленькое сердечко с силой сжалось и, разжавшись, выплеснуло из моего рта крик ужаса с последовавшими за ними слезами, фонтаном ринувшимися по горячим щекам. Сильные руки, принявшие меня, все еще держали. Я пробовал разглядеть его лицо, но, к своему несчастью, увидел лишь искаженную в ужасе гримасу, смотревшую на мать. Обернувшись в ее сторону в надежде, что хотя бы она даст ответ на вопрос: «Почему так угрюм мой отец?», увидел лишь немолодое женское лицо, прикрывавшееся руками, дабы никто не видел ее слез, но редкие всхлипывания сдавали деву. Смотря на нее мне хотелось ринуться к ней, чтобы успокоить. Вот только тело не слушалось. Сердце в груди рвалось от собственной беспомощности. Немая сцена между мной и матерью продолжалась недолго. Тот, кого я принял отцом накинуд мне на лицо тряпку и понес. Куда, тогда не знал, но чувствовал необъяснимую тревогу. Дальше была долгая тряска, которая окончилась сильным ударом – это он бросил меня за городом, куда старались выместить все городские помои. Такая конспирация тогда мне была не ясна, лишь спустя годы я понял, что мои родители не хотели быть уличены в детоубийстве, поэтому отнесли умирать за город, но вопреки им я выжил. Когда отец кинул меня и ушел, то пробежавший по мне ветер раскрыл мое лицо, и я увидел загадочное звездное небо, оно не казалось холодным и пустым, а скорее наполненным глубоким смыслом, сокрытым в миллионах жемчужин на нем. Это были мои первые минуты счастья, под которые я сладко уснул.

Крысы, которые во всем своем множестве и разнообразии, водились в городе, а особенно на его перифериях, где жил бедный народ, излюбленный ими, вскормили меня, словно я был им братом. Странно, но животные отнеслись ко мне человечнее, чем собственные родители.

Я рос, и мышцы мои крепили. В 3 года еще не умел говорить, но спокойно разрывал крысу голыми руками пополам. Тяжело вспоминать те минуты, ведь приходилось убивать своих друзей, чтобы выжить. Первая одежда у меня появилась только в 4 года и представляла из себя шкуры крыс, связанных веревками, которые украл на ближайшем рынке. Тогда же у меня прорезался голос, но болтливым не был, ведь с животными долгих бесед не поведешь. После еще не раз приходилось красть еду и одежду. В 5 лет у меня появилась туника. Она была самого простого пошива, но не являлась рабской, что было для меня важно.

На протяжении следующих 10 лет я предпринимал свои воровские вылазки, с которых мне не всегда удавалось уйти с добычей, пока в 15 лет не открыл для себя такое явление, как общественная баня. Ее посещали только люди с туго набитым кошельком, но вряд ли мои тогда еще пустые карманы можно было хотя бы под лупой принять за полные монет, поэтому

пришлось красть, что являлось не таким уж новым делом, а вот баня своей неизвестностью манила к себе, однако кто бы мог предположить, что там же совершу свое первое убийство.

Зайдя в небольшую теплую комнату, которая называлась лакониум – сухая парная, увидел на верхней полке упитанного мужчину, не прикрывавшегося ничем и явно не стеснявшегося своего вида, он презрительно улыбнулся при виде меня. Он имел самый высокомерный вид, каким тогда обладали граждане очень богатые и знатные. Рядом с ним сидела дама легкого поведения с фигурой Афродиты и не менее божественным лицом: тонкие черты лица, кудрявые золотистые волосы спускались до самой груди, изумрудно-зеленые глаза, сочные красные губы; она также сидела ничем не прикрытая. Когда я вошел, девушка даже не посмотрела в мою сторону. Сев чуть поотдаль от них, дабы не касаться их вспотевших тел, стал наслаждаться жаром, что обдавал мою кожу и щекотал пятки. Вскоре девушка забралась на него и стала энергично прыгать, сопровождая свои действия стонами и криками, упитанный мужлан лишь слащаво улыбался и изредка поворачивался ко мне с ехидной улыбкой. Кажется, моих соседей по полке не волновало мое присутствие, а моя близость к ним даже придавало некую пикантность их занятию. Я старался не глядеть на него, но его пронзающий взгляд все чаще прожигал меня, обжигая руки, грудь и лицо своей нахальностью. Когда дева замолчала и слезла с него, он шлепнул ее, и она ушла, виляя своим павлиным хвостом, чем несомненно привлекла мое внимание. В парилке остались лишь мы вдвоем: я и патриций (мое предположение кем он был). Подвинувшись ближе ко мне он заговорил своим надменным и смешливым тоном:

– В первый раз здесь?

– Да, – с отвращением, которого все же не хотел выказать, ответил ему я.

– Как тебе?

– Что? – наивно недоумевал.

– Девка. Хороша?

– Красивая, – пожал плечами, делая вид что совсем не глядел на нее.

– А хотел бы попробовать также... – его толстая рука опустилась мне на колено и обожгла меня. – Тебе понравится.

Его последние слова оказались для него роковыми. Я со всей злости, которую был больше не в силах сдерживать, ударил оскорбителя в грудь и проломил грудную клетку, его сердце еще билось в моей руке, но кровь уже стремительно растекалась по жировым складкам наглеца. Что я испытывал тогда? Наслаждение от совершенной власти над человеческой жизнью. До сих пор помню страх, который умирающей звездой вспыхнул в последний раз, в глазах моей первой жертвы.

Я в забвении, забыв надеть свою тунику, в полотенце и потный, выбежал из бани и побрел по теплomu тротуару в поисках той девы. С моей руки все еще продолжала капать кровь, оставляя после себя шельф, по которому не трудно было меня найти. Через несколько шагов со спины налетела толпа с палками и стала избивать всем, чем только вздумается: палками, ногами, руками. Им было все равно останусь ли я жив или умру. Они очнулись от своей ярости только, когда сочли меня мертвым. От трупa толпа решила избавиться проверенным способом: выбросить за город. Когда очнулся, оказалось, что у меня были сломаны пару ребер, правая нога, несколько пальцев на левой руке не двигались и проломлена голова, но боли я не чувствовал. С трудом перевернувшись на спину, потому что в теле не было сил, стал глядеть на солнце, которое испепеляло мою кожу своими лучами. Из-за страшной духоты и смрада мозг дал сбой, заставив заснуть. Проснулся только, когда солнце уже ушло далеко за горизонт, а небо покрылось звездами. Прохладный ветерок обдал кожу, заставив мое тело встрепенуться. Я сел и стал раз за разом прокручивать те моменты, когда в моих руках еще билось сердце того упитанного человека, чувствуя наслаждение в самых кончиках пальцев, но все чаще эти воспоминания прерывали другие – как та девушка в бане стонала, орала и извивалась, сидя на мужлане.

На мое удивление я легко встал, словно все кости в одно мгновение стали целыми. Однако, куда идти в столь поздний час было не ясно, поэтому мною было решено завтра по утру пойти в город и найти ту деву.

2

На следующий день я нашел ее в известном месте, теснившемся в огромном доме, который своим размером подчеркивал значимость проституции в империи. За нее запросили четыре серебряные монеты. В моем мешочке оказалась нужная сумма, ведь по дороге туда обокрал пару зазевавшихся плебеев. Взяв девушку за руку я повел ее до ближайшей бани и усадил на верхней полке. Я все еще не отпускал ее руки. Она стала гладить меня, поднимая не детский интерес к ней. Вся кровь хлынула в бедра, ее прикосновения словно током били по коже, заставляя сердце биться чаще. Девушка нагнулась ко мне, обострив в одно мгновение все чувства. От переполнивших меня небывалых ощущений я вскрикнул. Она подняла голову и хитро взглянула в мои глаза. Дева все еще не отпускала меня, словно гремучая змея свою жертву. Сев как тогда на того мужлана, стала энергично прыгать, стонать и орать, порождая в моем теле какую-то особую теплоту. Признаться честно, то наслаждаясь мгновениями даже потерял счет времени. После она встала и ушла, а я остался глядеть ей вслед, жалея о том, что все кончилось. Стоило деве скрыться, как тут же меня, словно пружиной вытолкнуло с места, и я побрел по ее еще горячим следам. Вскоре она заметила мою слежку за ней и стала изредка оглядываться и дразнить своей улыбкой. Через несколько домов воздух пронзил удар плетью, заставив меня обернуться и увидеть следующую картину: раб уже с рассеченной спиной преклонился перед худощавым хозяином, который бьет его плетью.

Они по очереди заметили меня, но их взгляды различались кардинально. У хозяина глаза налились кровью, он пылал ненавистью и презрением – все выдавало в нем жажду убить этого раба, который для него и человеком то не был. В глазах раба не было ни капли ненависти к своему оскорбителю, божественное спокойствие и смирение, если бы все его лицо не искажалось от боли при каждом ударе плетью, то я уверен, что можно было разглядеть на нем улыбку. Через несколько секунд полного оцепенения и недоумения мною овладело новое чувство – ненависть к хозяину с плетью. Следующие мои действия были спонтанны и необдуманны: быстро подбежав к ним, я схватил нависшую руку над рабским телом. Хозяин обратил свой бешеный взор на меня, он был очень зол, но в то же время пребывал в полном недоумении от моих действий. Немая сцена продолжалась несколько секунд, пока я не переборол собственное безумие и не произнес: – Хватит! Не бей его. По-видимому, мой собеседник не был настроен вести высокие философские беседы о тяжелой рабской участи и своим тяжелым кулаком ударил мне прямо в нос. Хлынула кровь. Меня отнесло на пару шагов назад. На несколько секунд я остолбенел и потерялся в пространстве и времени, но вскоре отойдя, бросился с еще большей злобой на обидчика и стал его избивать руками и, повалив на землю, ногами. С каждым ударом чувствовал все большее наслаждение и хотелось бить сильнее и сильнее, как тот минуту назад раба. Я остановился лишь тогда, когда сзади кто-то оглушил меня сильным ударом по голове. Надо ли говорить, что за содеянное мною, меня вскоре должна была настичь участь, и она не заставила себя ждать. Проснувшись в холодном каменном помещении без окон и дверей я далеко не сразу понял то, что мое тело вскоре хотят распять на кресте, но пока пребывал в полном неведении, пробуя найти ответы на такие вопросы как: «Где я? Зачем здесь? Почему за доброе дело как вора заперли сюда?», «Возможно они прознали про мои воровские успехи, а драка лишь предлог заточить сюда,» – так же крутилось в моей голове. Когда сидишь один, не видя солнца, перестаешь чувствовать время и все больше уходишь в себя. Спустя всего пару минут понимаешь насколько мало пространство: невозможно лечь, расправив ноги, встать можно лишь сгорбившись в плечах, подав шею чуть вперед и опустив голову. Вскоре после нормальных адекватных мыслей твой мозг превращается в кашу и наступает полный штиль. Даже беседа с самим собой заходит в тупик. За затишьем наступает череда мыслей о самоубийстве, но от безысходности ситуации, потому что даже умереть не дают, начинаешь сходить с ума.

Все начинается с самых легких страхов таких как: умереть от голода или в муках от страшной болезни, дальше оживают самые потаенные страхи. На этой стадии все очень индивидуально. Однако самое ужасное – остаться здесь навсегда.

Стоило сознанию представить передо мной картину, в которой моя дева участвует в развратной оргии с пятью упитанными мужчинами, как открылась дверь и меня ослепил свет, ворвавшийся в темницу. Четыре руки схватили меня за подмышки и куда-то поволокли. Никак не мог открыть глаза из-за ослепительно-яркого света, дабы посмотреть куда ведут. Вдруг они отпустили, и я повалился на землю. Мне не было больно, однако чувствовал как молотком бьют по моим пальцам. Хотелось, чтобы они оставили меня в покое, ведь лично им я не сделал ничего плохого, однако в ответ всем моим усилиям вымолить у них покой получил по голове чем-то тяжелым и снова потерял сознание. Удар тысяч капель о мое лицо разбудили меня. Я лежал на животе в воде, смешанной с кровью, а сверху все сильнее бил дождь. Лишь какое-то непонятное гудение во всем теле ощущалось и не более того.

– Вставай, скотина, – заорали на меня грубым басом.

Я попробовал поднять голову, но уперся во что-то сзади, однако глаза уловили образ орущего: настоящий легионер, вот только без щита и меча, зато с плетью. «Они меня так бояться, что призвали элиту на мою казнь,» – подумал тогда я. В моей памяти хорошо отпечаталось его лицо, ведь в ту же секунду сомнений, что следующей жертвой станет он, у меня не осталось: огромная мясистая шея напряжена от ненависти, прямоугольные черты правосудия, серые орлиные глаза не знают жалости, в них заключено лишь равнодушие, огромные сочные губы налиты кровью и подергиваются в уголках. Мои руки не двигаются, поэтому его горло еще не в моих удушающих объятьях, но все впереди. Передо мной еще колонна из таких же несчастных, однако на их спинах огромные деревянные кресты. Через несколько секунд, когда я пришел окончательно в сознание, ощутил тяжесть на себе, что-то давило на меня сверху. Оказалось, на моей спине такой же крест, как и у тех бедолаг, а руки расправлены и прибиты. – Гони их, – прозвучал гул впереди, отражаясь от каждого из стражников, и эшелон двинулся. Вдалеке засвистели плети, мне помогли подняться, но тут же толкнули в спину. Впервые я ощутил огромную тяжесть на своих плечах, поэтому пошел медленно, прогибаясь под крестом, хотя соблюдая общий неспешный темп. Улицы быстро наполнились зеваками, которые вышли посмотреть на мучеников в столь ранний час. Дождь успел прекратиться, солнце стояло невысоко, но уже припекало. Одни смотрели с осуждением, другие с жалостью, а третьи зевали и уходили. Находились среди них даже такие, которые были увлечены и вождели нашей смерти. Мы шли, погоняемые плетью, до самого пустыря за городом, где уже были вырыты ямки под кресты. На пустыре на меня надели терновый венок, который жадно вонзился в голову, по лицу медленно потекла кровь. Из-за того, что она попадала мне в глаза, приходилось их закрывать и ориентироваться в событиях, происходящих вокруг, исключительно по слуху. По приближающимся хлестким ударам и душераздирающим крикам стало понятно, что мученикам ломают ноги, и очередь вскоре дойдет до меня. И я оказался прав. С первого удара почувствовал ужасную боль, которой никогда не испытывал ранее, ноги заныли. Осознание того, что я могу кожей чувствовать даже дуновение ветра ужаснуло меня. Хотелось кричать от ужаса и досады, но в горле было сухо. Солнышко припекало мои раны, поднимая в воздух амбре припеченной крови. Голова закружилась, и я вновь потерял сознание. Очнувшись все на том же кресте с ужасом осознал, что муки мои не кончились, однако в руках я уже не чувствовал прежней боли, они полностью зажили и теперь можно было спокойно шевелить пальцами. Мышцы напряглись, как в страшной судороге, и я смог оторвать правую руку, а затем и левую, оставляя куски мяса на кресте. Мое тело устремилось вниз, гвозди выдрали мне обе стопы, терновый венок спал с моей головы, хотелось к моим любимым сточным водам. Ползя в их сторону и оставляя после себя кровавый шлейф, счастливо смеялся. Конечно, не заметить того, что преступник сбежал было невозможно, но меня не ринулись искать, а, обозвав самим

Сатаной, стали чаще ходить на молитву. Для себя я решил не возвращаться в город и вместе с этим решением было принято другое – уйти в пустыню. На то меня подталкивало и незнание своей сущности. Наверное, не зря уже в ту пору у меня появилось первое имя – Сатана.

На следующий день, украв несколько буханок хлеба и наполнив кувшин водой, направился напрямую в пустыню. Припасов, которые были со мной, хватило лишь на три дня, однако после этого я себя хорошо чувствовал и не испытывал голода еще пять дней. На девятый день своего хождения по жаркой пустыне во мне проснулась жажда, да такая сильная, что готов был жрать песок, дабы выжить, но это было уже лишним, потому что наткнулся на какой-то торговый путь. Трудно ответить как далеко тогда ушел от родного города и куда шли верблюды, однако мое желание жить было сильнее, хотя еще три дня я не решался на никакие действия, пропуская караван за караваном, а солнце с каждым днем припекало все сильнее, и кожа, казалось, временами даже вспыхивала огоньком. Через четыре дня я словно с цепи сорвался: мои вены наполнила жгучая кровь, глаза налились нечеловеческой злостью. С самого утра в тот день выжидал очередной караван и, когда первый верблюд из каравана поравнялся со мной, то, как лев кинулся на свою жертву, выпрыгнув на них из-за холма. Почувствовав прежнюю силу в руках, разорвал бедолаг голыми руками и добрался до желанной воды, которой было полно в их кувшинах. Ее здесь было много, поэтому, скинув все шелка, золото и серебро с одного из верблюдов, я нагрузил его кувшинами с водой и увел за собой. Позже узнал, что в то время у всех в городе началась паника. Все священники визжали, как свиньи, о приходе зверя, о котором они предрекали. Но вспомните себя, кто меня казнил, пытал и избавился под покровом ночи от младенца, не дав имени ему и выбор: жить или умереть, заставив выживать?

Все торговые пути через пустыню тут же оказались под запретом. Всех, кто попадал под подозрение, а таковыми оказывались все неугодные власти, которых оказалось большинство, сжигались, вешались на кресты, скармливались львам. Хорошо, что вся лихорадка продлилась недолго и вскоре вновь настал штиль с привкусом крови. Мои запасы воды к тому времени были почти полны, я старался их расходовать умеренно, давая часть верблюду, когда долго не было кактусов и других кустарников. Вскоре, потеряв счет дней, мое странствие приобрело безумный характер. Я стал много смеяться и часто бросать песок вверх, смотря как ямка быстро заполнялась и от прежних ран пустыни не оставалось и следа, как и у меня. На какой-то незначительный срок мне стало казаться, что я был рожден пустыней, но очень скоро такая шальная мысль испарилась на все испепеляющем солнце, подобно воде в моих кувшинах. Началась очередная жажда. Бедное животное – дитя пустынь, также стало мучиться. Я понял, что у него, как и у меня, кончились водные запасы, верблюд повалился без сил. В его взгляде читалось: «Иди дальше без меня. Оставь.» Ему было очень грустно осознавать свою судьбу: быть съеденным падальщиками, перед тем долго загнивая на солнце. Я упал на колени и расплакался, глядя на мягкую шевелюру и преклонив свой лоб к его, чтобы не видел моих слез. Мне стало жалко верблюда, но было ясно, что мой верный друг и спутник не жилец более, а оставить бедное животное умирать, ощущая пылкие взгляды сверху, я не мог. Пока моя рука гладила его пушистое пузико, он приподняв голову смотрел на меня и иногда пробовал со мной говорить на своем языке. Когда перестал его гладить, верблюд все понял, опустил голову и закрыл глаза. Размахнувшись рукой, я быстро вошел в его тельце и остановил сердце. Справа подул сильный ветер, глянув в ту сторону, увидел, что надвигается песчаная буря. Чтобы не мешать его покою отошел на пару шагов от своего друга, и через несколько минут нас накрыла гряда песка.

Не помню, когда так сладко высыпался. Выбравшись из тонного давления, я побрел по вечной пустыне. Осознание того, что теперь потерялся окончательно закрепилось в моем сознании. Сначала оно вызвало ужас, но потом я с ним смирился. Мое безумие – вот единственный друг и советчик, который у меня остался. С его легкой руки мною грабились караваны, убивались люди и животные. Так продолжалось, как я потом узнал, долгих пятнадцать лет, пока не встретил того самого Иисуса Христа. В тот день моя тень вместе со мной хао-

тично скиталась по пустыне, тихо смеясь, с единственным кувшином воды и буханкой черствого хлеба. Он стоял на коленях, расправив руки в стороны и обратив свое лицо к солнцу, торс оголен, лицо небритое, услышав мои шаги, незнакомец обернулся ко мне. На всю жизнь запомнились его чистые, добрые и глубокие глаза. Чистейший взгляд Христа пронзил насквозь. Меня затрясло, ноги подкосились и уронили мое тело на колени, глаза сами стали плакать, Он улыбнулся своей во истину детской улыбкой и, отвернувшись вновь на Солнце, закрыл глаза.

– Кто ты, милый человек? – шепотом, чтобы не нарушить его покоя, обратился я к нему.

– Сын Божий, – спокойно и ласково ответил мне.

– Сын Божий, – повторил за ним. – А что же тогда в пустыне забыл? Здесь место гнилое.

– Святой Дух возвал.

– Искуси хлеба, а то голоден небось, – протянул ему буханку хлеба.

– Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих.

– Как дивы в городе, хороши?

– Врать не стану. Все они сестры мне, а значит уже прекрасны.

– Не пойму тебя. Бросься вниз и снова с отцом своим станешь вновь на одной ступени.

Зачем тебе жизнь собачья?

– Не искушай Бога твоего.

– Сын ты Божий, но народ гневлив и не способен принять тебя, – стал с жаром говорить ему. – Он есть стадо и ему пастуха надо, а ты им свободу несешь, в которой тонут они сами того не замечая, но знаю я как власть тебе дать над ними. Передо мною прогнуться. Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана одному Богу, а ты есть сын его.

– Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.

Тогда я встал, оставив ему и хлеб, и воду, а сам побрел в беспамятстве. Когда очнулся, то был уже в родном городе.

3

Первое чувство, которое ощутил оказавшись в родных краях, как у всех, была ностальгия. А следующие ощущения у каждого свои. У меня таким чувством оказался – дискомфорт. Все, что и связывало теперь с этим местом так это желание мести палачу, лицо которого запомнилось навсегда. Однако первым делом я принялся разыскивать ту, чью любовь когда-то безнадежно пробовал купить, но все мои поиски оказались тщетны. Узнавать у кого-нибудь о ее судьбе было бы глупо, потому что вряд ли есть люди, которых интересует судьба самой обычной проститутки. Может ее и вовсе нет в живых, ведь столько лет прошло, а люди долго не живут. Поэтому мною было решено выполнить свой долг и, убив своего палача, ринуться прочь из города. Его оказалось найти легче, чем мне думалось. Каждый знал, где он живет.

Я пришел к нему домой под покровом ночи. Он жил один: без детей и жены, что придавало еще больше уверенности в моем деле. Я зажег свечу, стоявшую на столе. Ее свет осветил седую главу палача. Подойдя к нему, ударил его по щеке. Мой палач быстро подскочил и ошеломленный сел на кровати. Та же огромная шея, только в складках лет, черты лица больше не были искажены в ярости, голова покрылась снегом, без своих одеяний он оказался дряхлым стариком. Свое тело я мягко опустил на стул перед ним. Через пару секунд он увидел меня и обомлел от ужаса, ведь перед ним сидел покойник. В его глазах легко читалось, что он понимает свою участь и еще лучше моего знает почему именно такая. Мой палач, осознавая всю свою беспомощность перед смертью, стал рыдать, стараясь кивать головой, чтобы помиловали. Но меня не вразумили невнятные мольбы и, вытащив из-за пояса кинжал, подошел к нему и на груди латиницей написал: «Я есть твой Бог», а жирная точка была поставлена лезвием в сердце. На этом мое пребывание в городе кончилось. В ту же ночь я направился прочь в неизвестном направлении по торговым путям.

На моем пути попадалась ни одна цепочка из верблюдов, нагруженных серебром, золотом, шелком. Их сопровождали не менее богато одетые люди, но никого я не тронул, хотя жажда царапала мне горло, а голод кислотой вгрызался в желудок. Ведь мой путь лежал через искупление плоти от грехов. Через пару дней ко мне пришло успокоение. И мною было решено оставить воровство и человекоубийство, хотя, каюсь, в новом городе пришлось своровать, дабы купить дом и пропитание. Но тогда в пустыне мне казалось, что моя уверенность в предстоящей жизни непоколебима.

Я шел пять дней, пока не наткнулся на небольшой городок. Меня встретили приветливые люди, они отнеслись ко мне, как к родному, некоторые даже звали к себе отночевать. Я был так изумлен, что согласился на предложение одной пожилой дамы переночевать. Ее муж умер в бою, а детей у них вовсе не было. От нее же узнал, что в их городе только вчера вечером пребывал Иисус Христос, глаголивший о царстве Небесном и Едином, однако она его назвала «чистейший душой человек». Извешение о его посещении города, на удивление сильно, взволновало меня.

На следующий день у меня появились деньги, добытые не самым честным способом, которые потратил на небольшой домик на окраине города и новую тунику. Тогда же я нашел работу – пасти овец. В моем стаде было порядка пятидесяти овец. Их пас южнее города на зеленом лугу, который спускался в тоненькую вену реки. Здесь стояло всего одно дерево, но с пышной кроной и толстым стволом. Оно располагалось на возвышенности, с которой хорошо проглядывался весь зеленый луг. По ту сторону реки виднелась солнечная пустыня. Было сидеть под тот дуб, ветерок с реки ласково обдувает лицо, изредка донося капли воды и освежая, листва наигрывает зачаровывающую музыку ветра, зеленое поле покрыто снежно-белыми пятнами овец. Так и тянет в сон, но тут глянешь как один пушистый комочек стремительно плывет в сторону от стада. Неохотно встаешь, дабы направить кусочек неба, затерявшийся на земле,

обратно в общую кучу. Потом гонишь все стадо домой, а оно в ответ возмущенно мычит, но идет. Такие прогулки в моей душе установили полный покой уже через пару дней, заставив забыть меня о тех тридцати годах, что прожил в поиске себя и тысячи ответов. Тогда казалось вечностью успокоение души, которое я там приобрел, но все изменилось через год, когда в городе появился черный всадник, разрушивший все.

Черный всадник, как прозвал я его, для меня и многих других явился смертью на коне в жаркий полдень, держа в руках указ об отступниках от церкви – христианах, гласивший, что всякий будет казнен. Однако ничего за указом не последовало до самой полуночи. Никто даже не думал выяснять, кто из живущих принял Христа в своих сердцах, их целью было запугать народ через публичные казни. К сожалению, но и меня не обошли стороной. Их темная деятельность соответствовала часу, в который они принялись совершать ее. Я уже видел третий сон, когда порядка трех или четырех человек ворвались в мой дом и, избив руками и ногами связали руки за спиной, накинули мешок на голову и повели. Ужас и страх охватил меня. Не знаю слышал ли кто-то мои слезы, всхлипывания и молитвы, однако, видимо, раз ударили тяжелым предметом сзади по голове, вырубив меня, то слышали. В себя пришел только в темнице. Я стоял на ногах, вплотную прижатый к холодной каменной стене. Здесь было вместе со мной еще порядка пятнадцати человек на клочке в метр на метр. Воздуха хватало не всем, поэтому многие умирали раньше, чем их выводили на суд. От них я узнал, что всех, кто считался отступником церкви, решено было придать смерти без суда и следствия и какие извращенные человеческой фантазией казни нам уготовили? Впервые в жизни мне захотелось жить и единственный луч свет, пробивавшийся через маленькое окошечко и терявшийся в толпе, давал мне надежду.

Оказалось, что казнь была заготовлена на утро, поэтому с первыми лучами солнца нас повели на смерть, но уже не 15 человек, как им бы хотелось, а лишь десять. Нас вывели на арену, заполненную людьми, они ликовали и ждали нашей крови. Прямо перед нами сидел Понтий Пилат со своей свитой, однако их было не видно из-за ослепляющего солнца, которое стояло прямо за ними. Вытолкнув нас судьи подняли две боковых решетки и оттуда лениво вышли, зевая, четыре льва. По их сияющим глазам стало ясно, что животные очень голодны и не случайно. Они тут же направились в нашу сторону медленной царской походкой, чувствуя страх людей, стоявших позади меня. Теперь я был движим желанием вернуться к своим овцам. Конечно, кто-то скажет, что умер бы, а потом вновь воскрес, однако у меня никогда не было такой уверенности. Никогда не знаешь, когда умрешь в последний раз. Впервые во мне проснулся страх перед смертью. Львы подходили все ближе, скаля зубы, а мы плелись назад, пока не уперлись в стену. Их намерения были ясны – позавтракать нами. Когда стало уже некуда отступать, я побежал на того, что был по правую руку, увлекая на себя внимание остальных трех и тем останавливая их. Лев понял мои намерения и через пару секунд кинулся на меня, раскрыв свою пасть, схватив которую, я открыл так, как без моего вмешательства открыть ему было бы невозможно. Мне в лицо брызнула кровь. Оставшиеся три льва поджали хвосты и стали пятиться назад. Трибуна в удивлении вздохнула, а Понтий Пилат встал в изумлении. На арену выбежали двое, подхватив меня под локти, они унесли меня. Сил сопротивляться им уже не осталось.

Я опять оказался в той же комнатухе, но теперь совершенно один. День подходил уже к концу и осознание того, что эту ночь проведу в полном одиночестве укоренилось во мне и ужасало. Страшно было поверить в смерть тех, с кем так долго жил в одном городе, хотя никого из них не знал, но ужас потери обхватил меня с головой и утопил в себе. Опустившись на пол и схватившись за колени расплакался, вскоре вскочил и стал биться о стены, кричать, чтобы меня выпустили, но, видимо, никто не слышал, поэтому я успокоился и лег на ледяной пол своего нового дома, однако глаза в ту ночь не сомкнул ни разу.

4

Следующее утро все же настало, и мой страх с ним отступил. Сев я стал в иступлении смотреть на единственный лучик солнца, что так нагло врывается в темницу печали и радостно плясал на полу. Засмотревшись на него мне вдруг, за последние дни, стало на душе так тепло и хорошо, аж слезы навернулись на глаза, а улыбка тонкими линиями разбежалась по лицу. Через минуту я уже смеялся так, словно не было стен, которые стесняли воздух и не давали мне выйти. В эти мгновения чувствовал себя свободнее, чем любой человек в мире, раб мне тогда казалось обладает большею свободой, нежели его хозяин, ведь он отдал ее сам в чужие руки. Свобода – кандалы, которые своевольно надевает на себя берущий в свою ответственность другого и, как кажется ему, обременяя его работой, но тем давая тому легкость от выбора и свободы. Господь вознамерился спасти нас и даровать нам жизнь, однако как горько Он ошибся, решив, что человек одумается, изменится и согласится нести бремя свободы. Я свободен и никто более, никто кроме меня. Мне вдруг снова стало нестерпимо смешно. Припадками смеха продолжались еще долго и сменялись агрессией, когда вставал и бил кулаком стены, которые под моими ударами понемногу обсыпались. Луч солнца так радовавший меня покинул комнату, даже не попрощавшись и оставив меня в полном одиночестве. Кошки стали скрестить, и так грустно стало оттого, что мой верный друг покинул мою обитель. Слезы стали крупными каплями падать на холодный пол, увлажняя его. Голод стал съедать меня изнутри, высушившее горло почувствовало вкус пустыни. Заканчивался второй день моего пребывания здесь, а о своей дальнейшей судьбе я ничего не ведал. Меня не кормили ни разу, даже воды никто не принес. Чтобы выжить мне пришлось пить и есть все то, от чего мой организм так старательно избавлялся... За окном наступал уже третий день моего заточения, солнечный лучик не пожаловал сегодня ко мне в гости, потому что небо хмурилось и не захотело выпускать из дома солнце.

Я спал, а точнее сказать, что лежал в полудреме, стараясь уловить хоть какие-то звуки, однако так их и не улавливая. Спать в таких условиях было невозможно, поэтому меня удивляло то, как же лихо меня сморило в первую ночь. Дверь глухо скрипнула, послышались приближающиеся шаги, меня пнули в живот, чтобы проверить не сдох ли я еще, попробовав открыть глаза, ослепил яркий свет, потом схватили за локти и куда-то поволокли. Очухаться дали только, когда опустили мое немощное тело на холодный мраморный пол. Однако тут же приподняли на колени, за волосы опрокинули голову назад и окатили холодной водой. Я с трудом открыл глаза и увидел перед собой сидящего на троне мужичка с седыми волосами и уставшими щенячьими глазами. Понимание, что передо мной сидит очень богатый человек и убранства вокруг достойны его, пришло ко мне сразу, но все равно я оставался в замешательстве.

– Как звать тебя? – надменно поинтересовался старик, которого, как узнал позже, звали Понтий Пилат.

Я не знал, что ответить, поэтому назвал первое имя пришедшее мне на ум:

– Иуда.

– Знаешь ли ты, Иуда, отступника от церкви Иисуса?

– Встречал было его в своих странствиях по пустыне.

– С добром отнесся он к тебе?

– Направил в город, когда я заблудился.

– Хорошо, – Понтий Пилат задумался.

– Что же ты желаешь от меня, простого пастуха, о великий?

– Дабы ты стал на службе у меня. Пошел за Христом и каждое его слово записывал, а потом мне доносил.

– Лучше казнить меня велите, нежели доброго человека на смерть обрекать, о великий.

– Хитер ты, черт, заплачу тебе 30 сребряников, а коль все по совести исполнишь, то не будешь знать бедности, не надо будет тебе более овец пасти. Да ты с ответом не торопись, времени подумать много у тебя в темнице будет, – он щелкнул пальцами и меня поволокли.

– Согласен, согласен, – истерично заорал я, не желая возвращаться обратно в заточение. – Только скажи, где найти его?

– Так то лучше. Вымойте бедолагу, накормите вдоволь, дайте одежду новую, уложите в кровать, а по утру укажите ему, куда идти, – таков был его наказ слугам, который они беспрекословно выполнили.

Впервые я был сыт, свеж и опрятен. Мне постелили мягкую огромную кровать, которая, наверное, только у одного Понтия разве и была. Комната была под стать дворцу, отделана желтым и белым золотом. В углах на колоннах стояли странные фигуры с человеческими телами, но с головами коровы, козы, быка и оленя. Конечно, тогда я не знал этих животных, ибо не видел их никогда, поэтому с огромным интересом стал рассматривать фигурки.

День подходил к концу. Пора было ложиться спать, но мне не хотелось, ведь завтра наступит новый день, который унесет в даль теплую кровать и сытный кров. Однако стоило лечь на перину, как сон утопил меня в себе.

С первыми лучами солнца мое сонное тело подняли и, указав сторону, в которую нужно идти, пнули под зад, и я пошел, даже окончательно еще не проснувшись. Жаркое солнце пустыни быстро разбудило меня. В горле опять почувствовался скрежет сухости. Тело вновь загорелось огнем. Однако мои муки продолжались не долго. К концу дня, когда солнце уже наполовину потухло, я, наконец-то, добрался до города.

5

Зайдя за его границы-врата увидел все разнообразие отходов, растекавшихся по самым затаенным уголкам отвратного мне города. Не знаю почему, но именно сейчас я почувствовал отвращение до тошноты к расстилавшемуся передо мной дерьму, хотя и самый священный город вряд ли мог похвастаться своей чистотой в ту пору. Мне не хотелось вступать на грязные улицы города, однако пришлось. Совершенно оставалось не ясным, где искать всеми облюбленного Христа, да и зачем в сущности он мне был нужен, также было неясным, но человеку без цели и морали, каковым являюсь я, идея сгубить чью-то жизнь, особенно столь огромной шишки, которая одним своим существом смогла изорвать всю черную душу извращенного великомученика, каким явно считал себя Понтий Пилат, ласкала меня, однако, как и любой дурак, восседающий на троне, он горько ошибался. Мои шаги в новом городе были коротки и нерешительны, да и решаться на что-то было уже поздно, ведь все было решено за меня. Сколько интересно таких в мире, которые и были рады изменить свою жизнь, но за них уже все решили?

Все дома и базар казались чуждыми. Нараставшее во мне нестерпимое чувство полного одиночества комком подбиралось к горлу и хотелось уйти прочь. Через несколько метров я полностью остановился. Стало ясно, что мне уготовано место в этой паутине, в которой мне хотят внушить паучью натуру, хотя и лучше меня знают, что я муха. Теперь уже нет возможности сбежать: с одной стороны смерть от руки деспота – паук, а с другой – бегство из родных просторов – не более чем беготня по паутине. Я прекрасно все понимал и лишь не понимал, как попал в сей смертный плен? Однако мнимая смерть могла легко смениться настоящей, а к такому повороту событий я не был готов. Хотя раньше и желал умереть, но только не теперь. У меня появилась мечта; наверное, единственный стимул человека жить. Ведь без большой и светлой мечты он превратится обратное в животное, хотя, наверняка, в самых дальних уголках своего сознания и зверь мечтает о чем-то.

Все же я решился и обошел весь город и в полной тьме уже вернулся на то место, с которого начал. Солнце уже не красовалось на небе, его сменило звездное поле. По коже ударил холод. Я не знал куда мне идти, да и идти было некуда. В отчаянии плюхнулся на попу и стал глядеть в небо, мечтая о том, как опять буду пасти овец на зеленом лугу. От этих мыслей стало тепло. Тогда я лег на спину и, продолжая мечтать, скоро уснул. Утром меня разбудили первые солнечные лучи. Все косточки выли – впервые столь странное чувство овладело моим телом. Даже тот самый холодный пол в тюремной камере не возлагал на меня столько мучений. Поднявшись и оглядевшись понял, что со вчерашнего дня ничего не поменялось – все тот же вонючий город вокруг. Идти сейчас искать моего святошу было безусловно логичнее, но все равно слишком глупо, поэтому я не торопился.

Солнце уже высоко поднялось, а мой зад с паршивой земли так и не поднялся. Стало припекать. Но даже жажда не заставила меня встать. Лишь когда моя жертва сама появилась во вратах города, я поднялся. Он был точно таким же, каким я его встретил тогда в пустыне, только вот оброс бородой, но оттого стал еще прекраснее. Маленькие глазки-пуговички с какой-то нечеловеческой любовью посмотрели на меня, улыбка расплылась по лицу, оголив добрую улыбку. Он прошел мимо меня, словно не узнав, однако сколько добра я увидел в его глазах. Быстро вскочив, подбежал к Нему, ухватился за локоток и почти молитвой произнес:

– Ты ль моя улада, Божий Дар, Сын Бога Вездесущего, что о царстве Его глаголит, обещающая мир и любовь всякому нуждающемуся?

– Молви, – остановился он и улыбнулся мне.

– Позволь мне, грешнику, к ученикам твоим прильнуть, дабы прозреть в правде Господней и служить Ему единому.

– Грешен ты, но помыслы и душа твои чисты. Всяк сущий правды достоин ступай за мной.

Так я стал одним из учеников Христа. Теперь нас стало шестеро: Андрей, Симон, Петр, Иоанн, Иаков и Иуда, как решил представится я. В мои должности входил счет монет, что давали нам добрые люди за проповеди, некоторые звали нас отобедать или отужинать, но все это коробило Иисуса, но Он понимал, что от доброты люди дают деньги. При том, что нас звали ни один раз зайти отпочивать какой-нибудь хлепки, но Христос был непреклонен и никогда нам не объяснял почему, однако всегда был вежлив с теми, кто был добр к нему. С каждым днем нас – учеников становилось все больше, а от наших родных краев мы уходили все дальше. Доходы росли. Мы могли бы жить прекрасной безбедной жизнью, но Христос чуждался мирских удовольствий, поэтому все данное нам: хлеб, вода, монеты отдавалось нуждающимся, ибо их дух слишком еще привязан к земле.

Теперь мне хотелось бы рассказать о дне, когда нас осталось всего 12. Тогда выдался чудесный солнечный денек. Иисус встал с первыми лучами и, приказав ждать его прихода здесь, удалился в сторону горы. Тут же начались распри среди учеников: каждый считал, что именно он должен быть ближе к Нему на небесах. Доводы были самые разнообразные: один сильнее любит Его, другой – Бога, третий мудрее, четвертый самый покорный, пятый не поспал, шестой не поел, седьмой, наоборот, сытно наелся. Было очень смешно глядеть на эту толпу, что так легко собралась у ног сына Божьего и готовых драться за место рядом с Ним. Временами на меня находило такое отвращение, что хотелось разорвать их на части, дабы не слышать никаких речей, но я лишь закрывал глаза и уши, чтобы черти в моей голове теряли власть надо мною. Я удивлялся тому, как же они в своих жарких спорах не полезли с кулаками друг на друга? Однако, когда споры накалились до температуры Солнца, то ко мне по одному стали подходить из толпы, вопрошая меня: «Достоин ли я места рядом с Ним, рассуди, Иуда?» Я отвечал утвердительно каждому, после чего тот с гордо поднятой головой и глупо-счастливой улыбкой отходил в сторону, не вмешиваясь более в спор. Таким образом мною было потушено пламя ссоры. Однако после все стали заниматься своими делами, совершенно не говоря друг с другом, словно маленькие дети, что надулись на своих соседей, потому что куличик того лучше. Но ведь не столь важно как близко ты будешь к кому-то где-то там, если счастлив на земле. Ведь счастливый человек не думает о смерти и где окажется после, он живет моментом, но нащупывая почву ближайшего будущего. Через два дня Христос вернулся к нам с первыми лучами Солнца точно так же, как и ушел, но у него оказалось известие к нам: Он оставляет при себе 12 учеников. Страшно было остаться за чертой, пока Иисус не назвал имени моего. Смешанные чувства испытал я в тот момент: с одной стороны радость от того, что меня выбрали для дальнейшего обучения, с другой – огорчение, ведь моя слежка продолжалась, а значит моему предательству суждено было состояться. Однако я не дал эмоциям выплеснуться на мое лицо, лишь благодарность застыла на нем.

Христос попросил всех пойти вперед, дабы самому пойти сзади. Я замешкался и отстал, когда все ушли уже на шагов двадцать вперед (мы все еще шли толпой, но лишь до ближайшего города), Иисус мягко прихватил мой локоток, когда я хотел было догнать всех.

– Постой, Иуда. Что терзает душу твою? – ласково и с улыбкой, как всегда, поинтересовался Он у меня.

– Ничего, учитель, я спокоен, как сегодняшняя ночь, – невозмутимо ответил я, хотя сердце забилось сильнее и дыхание участилось.

– Знаешь ли ты, что сегодня на горе разыгралась страшная буря?

– Откуда же мне знать, – удивился я.

– Так и душа твоя встревожена, однако знай, что всякое дело, мысль и слово придается на суд не только Божий, но и земной. Будь ласков не только со зверем, но и с человеком, даже если не добр он к тебе, не забирай его обиду себе. Она гнилая и воняет, а разве ты готов съесть гнилое яблоко? Так и с чужой обидой и злобой. Оставь ее человеку.

Любовь никогда не покупай, ибо счастье такое подобно хмельному недругу за спиной, не знаешь ударит тебя или убьет, а может оскорбит плюнув или же опорожниться на спину твою. Не бери денег казенных, ибо кому-то они нужнее, кто и родных за них в рабство отдаст и горло перережет, лишь бы золото заполучить.

Я с большим наслаждением выслушал заповеди Его, стараясь не упустить ни слова сказанного устами праведными. Он стал для меня и братом, и сестрой, и матерью, и отцом. Мое уважение и моя любовь к Нему не знала границ. Теперь меня удивляет как я лихо отдался в волю Его и стал не только учеником, но и рабом. Видать, правду говорят, что свобода тяготит, и мы легко отдаем ее в руки другого, потому что проще переложить ответственность на другого, нежели самому принять ее на свои плечи. Христос как-то мне сказал, что любовь – ответственность за другого человека. Получается то блаженство и спокойствие именуемое любовью, есть лишь избавление другого от свободы, а как же освобождающий? Тогда мне трудно было разобраться в столь насущных вопросах, наверное, потому что на тот момент никого еще не любил, однако все по порядку. Прошло года два наших хождений по городам. В мои обязанности входило считать деньги, что добрые люди нам давали, чтобы мы могли продолжать распространять наши учения и сами учиться, однако с другой стороны на меня была возложена другая миссия: придать на обозрение народа окровавленного Христа. Об этом я не забывал ни на секунду, как и о своей мечте.

В тот день над городом, стиснув зубы, стояли хмурые тучи, прятавшие за своими телами грех, которому суждено было случиться в этот день. Иисус с учениками расположились у одной доброй и красивой хозяйшки, которая накрыла стол хлебом, солью, водой и несколькими яблоками – все, что было у нее, хотела удалиться, но Он остановил ее и попросил сесть по левую руку, отпочивать вместе с ним. Я, ничего не сказав, тихо выскользнул в дверь, обошел задний двор, затем прошел два дома, в условном месте меня уже ждал невысокий смуглый мужичок с бегаящими воровскими глазами.

– Пора, – сказал я ему, и из всех щелей, как крысы, выбежала целая толпа с острыми клинками.

Вы, наверняка, хотите знать о чем же я думал тогда. Мне вдруг вспомнилась вся моя жизнь: сточные воды, которые когда-то давно покинул в поисках себя; та девушка, чью любовь так наивно полагал купить; тюремное заключение с его холодным полом; распятие, испытание пустыней, первая встреча с Христом; овечек, которых пас на чудесном земном лугу, встреча с Понтий Пилатом; когда стал одним из 12 Его учеников, наш разговор с Иисусом, задевший меня глубоко за душу. На подходе к дверям, за которыми почивали Иисус с учениками, я вдруг понял, что не должен совершать ошибки моих родителей – предательства, но уже что-то менять было поздно.

– Кого поцелую, то и брать, – повернувшись, сказал толпе. Шагнув в дом, уверенной поступью подошел к Христу, который вышел из-за стола, все внимательно следили за секундой немой сценой, что разыгралась между нами.

– Прости меня, – извинился я перед ним, и Он поцеловал меня в щеку.

Тогда, как саранча, толпа влетела в комнату, и, схватив меня под локти, поволокла к выходу. Я не сопротивлялся, а лишь глядел на улыбающегося Христа, которому, как мне казалось, спас жизнь, не предав его, и сам улыбался глупой и счастливой улыбкой. Моя вера в правильность моих действий была непоколебима... О дальнейшей судьбе Его ничего не знаю, но, говорят, что Его все же распяли.

6

По иронии судьбы я оказался в той же темнице, что и много лет назад. Теперь мне была известна дальнейшая судьба в отличие от прошлого раза: распнут на кресте и забудут про меня. Они возжелали распять Христа, однако на их пути встал я, а они даже не заметили этого. Вдруг вся сложившаяся ситуация мне показалась чертовски смешной, пока в моей больной голове, как опухоль, не воспалилась мысль: «Я есть Сын Божий». Теперь ясно почему они не заметили подмены, потому что просто-напросто ее не было. Не в мои руки выдались тогда 30 серебрянников, и не я вел ту толпу в покои. Ученики те предали меня. Все стало ясным, как день, и, конечно, казалось более всего здравым.

Как сейчас помню последнюю ночь перед распятием. Я не спал, сидел и думал: «Если есть я Сын Божий, так почему не спасет меня от гибели верной Отец?». Чем ближе становилось к утру, тем чаще мой истеричный смех колебал стены.

На утро дверь с ужасающим скрипом отворилась, и меня ослепило светом. Опять схватили за подмышки, вынесли во двор, кинули на землю. Солнце только поднялось: вокруг слышались душераздирающие крики и удары молотков. Надо мной кружились, как коршуны, охранники-надзиратели с плетями. Я с улыбкой наблюдал за всеми. Вскоре принесли и мой громоздкий крест: из него торчало множество заноз, которые при первом же прикосновении с моим телом вонзились в него, вызвав небольшое неудобство. Дальше начали гвоздями забивать мои руки, но я не чувствовал боли, лишь с интересом наблюдал за напряженными лицами своих палачей. Мне хотелось знать о чем же они думают в такие моменты, или их головы не наполнены жадой мысли, потому что когда понимаешь, что обрекаешь человека на смерть, не хочется думать о нем, предполагать о некой его любящей семье или друзьях, которых он никогда не увидит. Ведь от таких мыслей тошнит, а палач должен быть хладнокровен. Как я слышан, палачи долго не живут, не потому что у них возникают проблемы со здоровьем, хотя и не без этого, но в редких случаях, чаще же они вешаются и травятся алкоголем, так как их мучает совесть, после такого вряд ли можно спать спокойно, ибо, как утверждают сами вершители правосудия, усопшие души казненные ими, приходят к ним во сне, терзая их. Не мудрено после таких сновидений с ума сойти на первом повороте. Получается так: убиваешь людей, медленно убивая себя; сам на себе заканчиваешь пищевую цепочку, которую начал.

Глядя на них я думал: «Разве счастливый человек будет убивать других? а себя?». Ответ тогда пришел незамедлительно: «Нет». Мне стало жалко моих палачей, и счастливая улыбка сменилась грустью и печалью. Меня вместе с остальными осужденными подняли, вогнав в одну цепочку, вывели на сонные улицы, где собрались много зевак, и пнули, чтобы мы шли. Крест на спине казался, как никогда, тяжелым. Каждый шаг знаменовался дрожью в коленках и слабостью в ногах. На середине пути стало невыносимо. Я прислонился к стене дома, из которого выбежал хозяин и писклявым голосом наорал на меня. Оказалось, я своей кровью замарал его магазинчик. В ответ он услышал проклятие из моих уст: «Чтобы тебе так вечность ходить». Меня вновь пнули, и я побрел дальше, изнывая от жары. Как стадо нас вели до самого места казни – до пустыря на окраине города. Вокруг только пески пустыни и вшивые кустарники. На меня надели терновый венок, прижав его мечом, чтобы сильнее впился мне в голову. Кажется я даже почувствовал как один из шипов вонзился так глубоко, что коснулся кости черепа. Нестерпимая и ужасная боль во всем теле, как расплата за содеянное, за предательство, которое так и не успел довести до конца, раскаялся, принял все страдания на себя. Вдалеке слышатся удары и все тот же душераздирающий крик. Странно, но как быстро на моем лице стерлась улыбка и пришло осознание того ужаса, что меня ожидает. Хотелось кричать, но кто услышит? Хотелось плакать, но кто поймет, утешит? Организм оказался вдруг слабее, чем мне хотелось, и я не смог с гвоздями выдрать руки, оставшись висеть в ожидании своей

неминуемой участи. Вскоре страшные большие палки дошли до меня, диаметром не меньше моего запястья уж точно. Ко мне подошел огромный человек, состоявший, как казалось, только из мышц; страшный человек, ростом таким, каким не встречал не до, не после. В его крепких руках была палка, которую он держал, стиснув зубы, чтобы кости сломать уж наверняка с первого раза. Первый взмах раздробил полностью стопы. Я лишь поднял взгляд вверх, где летали стервятники, ожидая нашего мяса, и стиснул зубы. С каждым ударом мое тело превращалось в фарш под кожей, но снаружи из меня получилась неплохая отбивная. Переломав все косточки и прибив ноги, они пошли дальше. Время вдруг стало вязким. Мне казалось иногда, что не меньше вечности продолжаются мои страдания, но, к моему счастью, солнце наконец-то стало опускаться за горизонт, а значит закончились мучения тех, кто еще раньше не умер на кресте. Жирный ублюдок, сам не верящий в то, что говорит, не верующий в своего Бога, пьявка на теле общества, пожирающий землю и золото, прикрывающий свое огромное пузо черной эфодой, не доходившей даже до колен, идет между трупами и мучениками, освящая их на смерть. За ним идет воин, что ломал кости утром, а теперь он благородный палач, подносящий к моим губам смоченную губку, как последнюю милость от своего государя. Противное зрелище. После столь глупой церемонии пика вонзается в мою грудь.

Следующее мое воспоминание, словно дежавю: я иду по жаркой пустыне, передо мной лишь солнечное море из миллиардов песчинок. Иду туда, где у меня украли мечту о спокойствии и бескрайнем зеленом поле. Не могу сказать кто снял мое кровавое тело с креста, куда утащил, где бросил и зачем ему было нужно, как не могу сказать каким образом смог уйти из города, оставшись незамеченным, однако мне было абсолютно ясно одно: теперь меня с моей мечтой никто не сможет разлучить.

Через пару дней прибыл в тот самый город, из которого меня пару лет тому назад варварски вырвали, разрушив созданную мной идиллию уединения. Свой дом я нашел быстро, он пустовал, как и большинство. В моей памяти еще жил тот оживленный городок, каким я видел его в последний день мирной жизни, но теперь трудно было найти хоть одного человека, а тех, кого мне удавалось встретить, убегали и прятались в домах. Овец во всем городе нашлось всего две. Мне удалось уговорить владельца продать мне их вместе с небольшим загонем. Тем более сам хозяин был уже стар и немощен: ноги его с трудом ходили, глаза с каждым днем становились лишь хуже, вскоре он даже имя свое стал забывать. Родных у него не было, поэтому заботится о нем оказалось некому, и я благородно предложил свою помощь. Поначалу я сам приходил к нему, а через пару месяцев уговорил его переехать ко мне жить. Мы любили с ним много и подолгу говорить, когда солнце садилось за горизонт, тем более поговорить было о чем. В таких беседах старик рассказывал, что у него было три сына, которых растерзали на арене, и дочь, ушедшая в страхе быть схваченной за свою любовь к Христу. Его жена умерла в тот же год, когда сыновей схватили, а сам он, как и я сейчас, тогда стал браться за несколько работ, потому что нигде не платили достойно. Тем более из многих мест его попросту гнали, ибо никому не нужен был полумертвый старик. Вам интересно на какие шиши я купил их? Трудно ответить откуда, но у меня за поясом нашлось пару монет. Кто их туда положил? Этот вопрос мне до сих пор мучает голову.

Как сейчас помню ту последнюю ночь, когда мы проговорили до утра. Он тогда много шутил и смеялся, что не было ему свойственно. Старик словно предчувствовал приближающуюся смерть и радовался ей. Тогда мне было не ясна его радость, потому что я был слишком молод, полон сил и только осуществил свою мечту после долгих странствий. Перед самым рассветом, когда уже стали ложиться спать, я спросил его: хочет ли он жить вечно. На что он ответил: «Жить вечно — наказание. Видеть как твои близкие и любимые люди умирают, любить и знать, что ты увидишь их смерть ужасно. Я не хотел бы никого любить более своей жены ушедшей от меня... Не знаю как смог пережить ее смерть, а вечность дает множество шансов переживать ее смерть вновь и вновь... Жить в вечных войнах, болезнях и смертях, наде-

ясь на единственный стимул – любовь, нет, даже столь прекрасное чувство теряет свой божественный лик, ибо обречена быть зарыта в землю ни один десяток раз и оплакана в тысячу раз больше. Закрытие сердца, обречение себя на одиночество и вовсе подобно петле на шее. Единственную вечную жизнь, которая для меня была бы приемлема – небесная, но и оттуда вскоре погонят, как вшивого пса с богатого двора, дальше жить». После этих слов мы уже не разговаривали никогда и легли спать. На следующее утро старик не проснулся. Только теперь я в полной мере понял смысл его слов...

Что я чувствовал в те минуты, когда на заднем дворике хоронил его? Наверное обиду. Обидно не услышать его голос, не помочь ему встать с кровати, не поспорить с ним, не увидеть слепых старческих глаз и беззубую улыбку... Помолчу, пожалуй, не могу писать...

7

Надо ли говорить, что жизнь которая мне казалась идеальной вдруг поблекла после смерти моего добродушного старика. Больше не хотелось пасти овец, поэтому я их обрил, зарезал и съел. Шерсть продал и на вырученные деньги купил вина. Стал опять воровать еду и монеты, но удовольствия от содеянного не получал. Так могло бы продолжаться вечно, но через месяц в наш город приехала одна семейная пара, которая поселилась в соседнем доме и которыми я возымел дружеские отношения. Их звали Азарий и Ревекка. У них в ту пору все только зарождалось. Первые денечки своей жизни без родителей в своем уютном гнездышке – прекрасная пора. Он работал в кузне, изготавливал первоклассные клинки, однако мои все равно изящнее в бою, Азарий считался одним из лучших во всей Римской империи, поэтому жили они в полном достатке: большой двухэтажный дом с пятью комнатами, отделанные редчайшим деревом (меня поразило тогда откуда они достали столь ценный вид), резные кровати, спали на пуху с шелковой наволочкой, на руках блестели золотые браслеты, но не было рабов, как было принято во всех столь же богатых семьях. У меня никогда не было зависти к их быту, ведь я прекрасно понимал, что после своей смерти они с собой все золото и серебро не заберут, а вот я после их смерти очень даже могу забрать. Ревекка работала на полях за городом. Поле было небольшое, поэтому ее двух рук хватало в полной мере, однако вскоре, по мере отвоевывания земель у природы, двух рук стало не хватать. Когда еще плантации не разрослись сильно, Ревекка выращивала виноград для себя, но позже винограда становилось все больше, и она стала делать вино, которое сама же продавала. С первых дней девушка приглянулась мне, поэтому еще одни две руки, которые помогали ей, оказались моими. С моей помощи ей наше знакомство и началось. Чуть позже я узнал и ее мужа, которому также вызвался помогать в кузне, одновременно обучая его мастерству, что помнили мои руки, хотя и прошел уже ни один год без жаркой работы.

Целых десять лет я оказывал Ревекке знаки внимания, желая переманить к себе в постель, но все мои цветы были втопты в землю, но не на моих глазах. Однако случилось одно событие, которое, как мне казалось, теперь уж точно склонит ее ко мне: Азарий заболел. Его руки стали очень сильно трястись, теперь он больше не мог держать молота в руках. Такова уж плата. Я посчитал, что судьба дает мне шанс, но как горько ошибся. Они стали стремительно терять все свои богатства, потому что Азарий более не мог выполнять заказы. Им даже пришлось продать вскоре свой дом и все украшения. Ревекка, по моим думам, должна была перебежать ко мне, однако все случилось с точностью да наоборот. Она стала любить его сильнее прежнего, работать он теперь стал работать вместе с нею, вина и винограда теперь продавали больше, но не настолько, чтобы покрыть прежние аппетиты. Надо сказать, что меньше чем через год после их приезда у них родился сын, которого Азарий стал обучать своему мастерству. После начавшейся болезни его отца я принялся за его обучение.

Через год после начала болезни мужа мастерская его вернула своих покупателей. Большею частью прибыль я отдавал им, хотя Азарий и сопротивлялся, настаивая, чтобы мне забирать ту часть денег, которую отдавал им. Мы каждый раз жарко спорили на эту тему, однако он в конце концов соглашался и, опустив голову, брал деньги со словами: «Эх, плут, умеешь уболтать». Азарий говорил шутя, но его поникшему виду было видно, что трудно ему было шутить в такие минуты. Наверное мужа огорчала его беспомощность, ведь он больше не мог зарабатывать деньги своим любимым делом из-за болезни. После того, как Азарий заболел, он принялся выпивать, хотя до сего за ним я такого пристрастия не замечал. Видимо болезнь ударила сильнее, чем только по рукам, она вирусом проникла глубже – в его душу. А деньги ему были нужны, чтобы не пить своего, а покупать более дешевое и кислое вино. Эта-то его привычка и сгубила.

Как знать как сложилась бы его судьба не заболел он. Кузнец – это было призвание Азария, потеряв которое, что-то внутри него сломалось. Огонь в глазах мужа, запомнившийся мне при первой встрече с ним, вдруг потух, словно вино затушило его. Ребекка видела все, но, как она не старалась, пламя в его груди затухло, а сердце остановилось, словно и не билось никогда вовсе. А ведь прошло всего три года после начавшейся болезни. Во мне вновь вспыхнуло то самое жгучее чувство обиды, ведь я за эти годы успел с ним подружиться, однако нынешнее чувство быстро затухло. Казалось бы, что теперь соперника за сердце Ревекки нет, но я вдруг понял, что недостоин ее и не смогу любить ее так, как Азарий. Ведь он боготворил свою жену, носил на руках (изредка, но все же), говорил, что она его смысл жизни, хотя в их жизни я никогда не замечал чего-то особенного: спокойная и монотонная жизнь каждый день. После похорон Азария Ревекка на нервной почве слегла. Не в моих силах было ее бросать в столь тяжелый момент жизни, поэтому ухаживал за ней 3 дня и 2 бессонных ночи. Уже в первую ночь у нее поднялся сильный жар. Она стала бредить и звать усопшего. Я помню весь ужас, который охватил меня в те минуты. Страх приближающийся смерти охватил меня. Предчувствие чертовой пляски выказало всю беспомощность перед нею. На третью ночь ее не стало, как и младшего их сына. Но особенно запомнился момент, когда перед самой смертью она повернулась ко мне, вперив в меня свой опустошенный взгляд, произнесла: «Ты пришел за мной?», улыбнулась и выпустила последний вздох из своих губ. Холодные мурашки пробежали по моему телу. Ноги покосились, и я упал, а ее пустые глаза все смотрели куда-то вглубь меня. Собравшись с силами подошел и закрыл глаза усопшей. Ревекку и ее младшего сына похоронил на заднем дворе: отец, мать и младший сын – все легли рядышком. Пока капал для них могилы и укладывал их туда, не мог остановить слез, а когда их закопал, то немного стало легче, даже плакать перестал. Под моим крылом остался их 12-летний сын и 7-летняя дочь. У меня никогда не было собственных детей, поэтому и опыта обращения с ними, а тут сразу двое. Я старался быть добрым и обучать их мастерству родителей. Мы втроем ходили в мастерскую, но ковать учил только мальчишку, потому что понимал – не женское дело молотом махать. Зато за виноградником ухаживали все вместе, хотя лучше получалось у дочурки. За те годы, что прожил с ними, успел полюбить их, как родных, а они мне ответили тем же, но для них я все равно оставался добрым дядюшкой. Мне хотелось быть для них отцом, однако в полной мере эту нишу, к сожалению, не мог заполнить. Через шесть лет столь размеренной жизни старшенький женился, и я оставил ему дом его родителей, а младшая была мною выдана замуж. Сам я вернулся в свой давно оставленный уголок, однако мастерскую не забывал и часто туда заезжал. Старший бросил кузню, стал жить на те деньги, которые были заработаны мною, и вскоре от безделья стал сильно выпивать. Дочурка с мужем перебралась в соседний город и больше не могла ни посещать меня, ни работать в винограднике. Мне бы и хотелось им заниматься, но в кузне заказов слишком много было. Жизнь вдруг поблекла для меня. Я стал все чаще ворошиться в прошлом, вспоминая как мы втроем с ребятишками весело топтали виноград, как с сыном ковали клинки, обливаясь потом, как счастливые приходили домой после трудового дня. Вспоминал те времена, когда Азарий был жив. Я стал жить воспоминаниями.

Через год кузня была мною оставлена, ведь более не доставляла мне того удовольствия. Пробовал возродить погибший виноградник, но безуспешно. Старший стал очень сильно пить, а когда он был пьян, то становился невыносимым. Болезненно сейчас вспоминать тот вечер, когда мы с ним разругались.

Я тогда заглянул в кузню, чтобы сделать подковы соседской лошади (обещался давно), только раздул огонь в печи, когда в мастерскую пьяный ввалился старший, еле держась на ногах, подошел ко мне вплотную и стал смотреть своими кристальными глазами в мои очи. Надо сказать, что от него смердило вином.

– Что же ты кузню бросил? – произнес он своим заплетавшимся языком.

– Не по сердцу мне стало, – спокойно, но с презрением к его пьяной роже ответил ему.

– Не по сердцу, – громко передразнил старший меня, – а мне думаешь по сердцу, что ты денег больше не приносишь?

– Тебе бы лишь свое свиное рыло напоить, – губа нервно дрогнула.

– Был бы жив отец...

– Погнал бы тебя в шею.

– Что? – заорал он и замахнулся кулаком на меня.

Однако я раньше успел оттолкнуть его от себя. Он с грохотом упал на спину. Я направился к выходу, а старший мне вслед прокричал: «Пошел вон отсюда и не приходи сюда», но мне уже было наплевать на его слова, которым тогда не придавал никакого значения. Через пару дней старший уехал, не сказав ни слова. Он продал и дом, и кузню. После того вечера, когда мы поссорились я больше его не видел.

У меня было достаточно денег, чтобы выкупить кузню, собственно говоря, я так и поступил, но прежней радости она мне не приносила. Пробовал возродить виноградник и через пару лет мне удалось, однако и тот радости перестал доставлять. Единственным занятием моим осталось лишь вспоминать былые времена, когда мы вместе с Ревеккой заботились о винограднике, поэтому я решил найти себе женщину, а наиболее быстрым способом найти даму мне показалось пойти в ближайший притон дам легкового поведения. Там сразу приметил одну прелестную особу, чей образ запомнился мне тогда отчетливо: длинные каштановые волосы перекинуты на плечо, карие глаза застенчиво, но со страстью, смотрят из-под лба, маленький носик аккуратно сложенный, тонкая полосочка губ приподнята в уголках в хищную улыбку, лебединая шея, оголенные плечи, тоненькие ручки. Меня поразила тогда красота этой девушки, поэтому я выбрал ее. Она робко пошла следом. По ней было видно, что тельце еще дышало молодостью; в движениях сохранилась неуверенность. Ее пугало предстоящая близость, и я видел это. Когда мы вошли в спальню, то девушка совсем засмушалась, покраснела и закрыла руками лицо. Я нежно отвел ее руки в сторону, она опустила глаза, одежда упала с нее. Пальчиком поднял ее голову вверх, дева не открывала глаз, а тело все пылало огнем. Мои губы нежно притронулись к тонкой шее (к слову надо сказать, что столько нежности еще не проявлял ни к одной женщине в своей жизни), пальцы изящно повторили форму ее щеки, шеи и даже груди. Когда я коснулся сосочка, то она вздрогнула и открыла рот, своими поцелуями обласкал ее лебединую шею, потом слегка толкнул деву на кровать и та покорно повиновалась моим движениям. Я, словно гора воздвигнулся над ее юным телом. Мне было страшно раздавить столь хрупкое тело, хотя наши обнаженные тела соприкасались, но основной упор делал все же на руки. Пальцем провел по линии губ, заставив открыть их. Тогда нежно, однако страстно пронзил их своим языком. Мои пальцы повторили форму ее тела до самых бедер, губы поцелуями зажгли ее щеки и шею, однако огонь моих губ мчался все ниже по чертам линий девушки ниже к груди, сжигая в огнии ее сосочки и заставляя первым довольным вздохам вырваться из ее уст. Опустившись на уровень бедер пальчиками провел по внутренней стороне ножек, почти касаясь девичьего плодородного дерева, которое моим устам суждено превратить в пепел. Она вонзилась в простыню своими острыми пальцами, взвизгнув как маленький щенок, которого случайно придавили. Я хитро пропустил ее околобедренные губы, покрывая поцелуями сладкие ноги до самых кончиков пальцев, в конце даже прикусив большой палец. Не отводя своих когтей от нежных бедер девушки, вернулся к тому месту, которое нарочно было мною упущено. Своими губами впился в ее половые, заставляя мешать коктейль из наигранных и настоящих стонов и криков. От губ нижних я вернулся к верхним, вовлекая их в сладострастный поцелуй и медленно, но уверенно входя в нее, извлекая тот самый актерский талант криков и стонов, которому деву так долго обучали...

Надо ли говорить, что после этой ночи я влюбился в девушку, а точнее мне так уж очень хотелось думать, поэтому на следующий день, собрав все свои богатства и учтя ошибки более чем 20-летней давности, направился к ее хозяину. Тот запросил аж сотню золотых монет

(!). В ту же минуту я опешил и яростно набросился на него с кулаками. Однако он оказался не дурак и у него имелось два первоклассных война в охране, которые постарались отнять мои удушающие объятия. Схватив меня сзади за руки подумали, что теперь-то я нейтрализован, но здесь моя кровь закипела. Вырвав резким движением одну лапу, с размаха ударил первого охранника, и его голова отлетела, заливая кровью покои, второй от увиденного опешил и поплелся назад, но мои цепкие клыки вонзились в сонную артерию бедняги. Расправившись с этими двумя обернулся на свою главную жертву, которая онемела от страха и только могла лишь шевелить глазами. Я тогда подошел к нему, взглянул в глаза и, сказав: «Глупец», свернул ему голову голыми руками. Дабы не выйти в крови умылся водой, которая была в покоех, и объявил, что теперь она моя.

Теперь мы стали жить с нею вместе. Дева не знала своего имени, поэтому я ее назвал Наина. Мне очень уж нравилось это имя. Первые месяцы жилось туго, денег много не было, однако работа делалась – деньги капали. Прошел почти год, когда за покорностью Наины смог разглядеть не любовь ко мне, а лишь благодарность за спасение от страшной участи. До меня только тогда дошло, что я не влюбленный пылкий юноша, лишь рабовладелец и хозяин. Видимо, верно говорят: «Рабом рожденный, рабом и умрет». Иллюзия счастья вдруг рухнула в один момент. Вся ее красота и молодость перестали ласкать мое эго. Мне хотелось бежать вон из дома, прочь от сей чертовки, но куда? В том году я познакомился с неким братством, которое было за освобождение Иерусалима от завоевателей Рима, они часто собирались под вечер и просиживали до утра, обсуждая как можно подорвать власть, именно поэтому я вступил в их братство. В нашем городе их было всего человек пять, вместе со мной, на момент моего поступления, однако меня это волновало в последнюю очередь. Они собирались то у одного, то у другого, бранили власть и пили вино, говорили, что правители уже одним своим присутствием на троне оскорбляют Христа. Я больше молчал и все больше пил, боясь разрушить уверенность своих оппонентов в их иллюзиях, если и говорил, то передавая своими словами их речи, да так искусно, что никто не замечал сего, восхищаясь моими словами. В ответ они утвердительно кивали и даже хлопали. Среди них закрепилось мнение в моем прекрасном уме. Однако их братство в нашем городе не просуществовало. Через месяц первого из них казнили за воровство булки хлеба на рынке, второго обвинили в измене церкви и распяли, третьего избили до смерти, когда тот шел домой в зверски пьяном состоянии, четвертый был убит девушкой легкого поведения в самый интимный момент, а в моей жизни ничего не изменилось. Разве только, что спать стал чаще.

Я понимал: жить вот так дальше было невозможно. У меня оказалось достаточно времени, чтобы накопить денег на самый захудалый домик где-то на окраине деревни. Тем более запас благодарности Наины стал подходить к концу, это чувствовалось в ее голосе, улыбке. Я стал бояться спать рядом с ней, потому что все ждал, когда она меня заколет ночью. Прошло чуть больше года, когда мною было окончательно решено уйти. Не было ни капли сожаления в расставании с нею, а вот с городом оказалось невыносимо тяжело прощаться. Столько лет провел здесь и вот вынужден покинуть его. Перед отходом я зашел во двор дома, в котором жила Ребекка, чтобы попрощаться с нею, Азарием и малюткой. Встав, я кинул последний взгляд на их могилки и направился в путь. Их дом и кузня так и остались пустовать, никто ни разу туда не возвратился. Ни старший, ни младшая за все время не прислали и известия о себе. Обидно.

8

Уже через пару дней я благополучно добрался до какой-то деревеньки в десять домов. Свободных из них не оказалось, поэтому мне пришлось проситься на ночлег, чтобы приютили хотя бы на ночь. Конечно, не в первый дом удачно получилось попасть, но мир не без добрых людей. Каких-то планов на будущее не строил, да и что там можно построить из гнилых досок моей жизни. Меня к себе пустила одна очень пожилая дама, которая умерла в ту же ночь, словно ждала моего прихода. Никто о правах после ее смерти не заявил, поэтому я решил остаться жить там, а милую женщину похоронил на заднем дворе. Вскоре нашел работу в поле, как и все, выращивая пшеницу. Работа большого удовольствия не доставляла, а вот скуку убивала. Однако она самая все же частенько навевалась ко мне по одиноким вечерам. Надо сказать, что местные на меня еще долго смотрели косо. Хотя я был со всеми знаком и многих смог убедить в своей доброте, но даже после десяти лет, которые там прожил, оставались те, кто недоверчиво глядел в мою сторону. Уж довольно странные обстоятельства предрекли мое появление в сей деревне: две смерти. Умерла уже очень старая супружеская пара, да и еще старушка, приютившая меня, также умерла, да и еще в первую ночь моего появления, поэтому и пошли тогда нехорошие сплетни, отголосок которых гулко стоял у всех в ушах, даже после стольких мирных лет. Многие все не переставали твердить, что я есть нечистая сила и со мной старались излишних связей не иметь. Конечно, такое отношение ко мне не могло не коробить, но ради добрых отношений с ними пришлось проглатывать сию горькую пилюлю недоверия.

Столько лет пребывания на одном месте, в котором тебя не очень-то и любят, утомляет. Вот и я устал, поэтому решил покинуть на несколько дней деревню, возвратившись в город, в котором 10 лет назад оставил Наину. Мне не составило труда найти тот самый дом. Остановившись стал вглядываться в окна, но, видимо, никого не было внутри. Хотелось верить, что у нее все хорошо, и она нашла достойного мужа. Эх, так и не решился тогда постучать в дверь. Дальше я направился к кузне, которая продолжала пустовать. На меня нагрянули теплые воспоминания, как ковали со старшим, однако тут же колющее чувство вспомнившейся ссоры с ним сдавило изнутри так же, как когда-то давили виноград с младшей, затем вновь мрачность прощания с ней, когда отдавал ее замуж. Потом я посетил задний дворик, на котором покоилась Ревекка, Азарий и их самый маленький сыночек. На меня опять нахлынули воспоминания, и я расплакался от досады, что их сейчас нет рядом. Уже темнело, поэтому мною было решено переночевать в давно заброшенном доме старшего. Они оставили почти все вещи. Тут осталось все так же, как я помню. Видно было, что собирались в спешке. Я оставил почти не тронутым дом в знак памяти о былом. Переночевав, рано по утру направился дальше, в родной город. Солнце поднялось невысоко, однако уже припекало мою спину. С собой у меня еще оставался кувшин воды и булка хлеба, которые купил на местном рынке за цену в три раза превышающую цену 10-летней давности. Обычно хлеба доставлялись из моих родных краев и стоили очень дешево, а столь резкое повышение стоимости взволновало меня, ибо являлось лакмусовой бумажкой событий, что происходили там, куда я держал путь. На сердце стало тревожно. Всю дорогу надеялся на лучшее, но случилось худшее, чего даже не мог предположить.

Уже на подходе к городу был виден черный дым. Из-за горы еще не было видно, что горит, поэтому я сохранял надежду на лучшее. Поднялся на гору и ужаснулся: весь город пылает огнями войны. Тогда я побежал туда, где все было охвачено огнем, совершенно не понимая зачем. Добравшись, открыл для себя страшную картину: ворота в город повалены, знакомые улицы обезображены полуразрушенными домами и усеяны трупами, сегодня не было дождя, но дороги размыты, в воздухе стоит резкий запах крови и гнили, ни одного живого человека не видать, рынок охвачен огнем. Осторожно ступая между убитыми, чтобы случаем не наступить на убитого. Не помню как, но в горе трупов случайно нашел старшенького. Он лежал

с открытым ртом, смотря в небеса, словно ожидая помощи, которая так и не явилась. Невольно по моему лицу потекли слезы. Я опустился над ним на колени, прикрыл рукой его глаза, поцеловал в лоб и, уткнувшись головой в израненную грудь, зарыдал навзрыд. Позади меня послышался гул. Мне однажды приходилось слышать его. К городу шел Римский Легион. Видимо здесь произошло восстание. На улицы высыпался народ вооруженный мечами и в самодельных доспехах. Они, не слыша моих молитв остановить сие безумие, шли по телам братьев, сестер, отцов и матерей, словно под гипнозом. Вдруг и меня охватила всеобщая ненависть. Во мне проснулось самое благородное из человеческих пороков – желание отомстить за убитого сына. Взяв из рук убитого старшего меч, пошел за толпой, как замороженный. Ошибочно считать, что не было страха в моей груди, был да такой силы, что хотелось бежать, однако желание мести и даже патриотизм, вдруг пробудившийся во мне, оказались сильнее. Первые линии столкнулись, и воздух заполнился криками боли. Быстро стройные ряды римских воинов перемешались с восставшими. Вот и до меня добежал один. Совсем еще молодой мальчишка. В глазах его читался страх перед смертью, он не хотел умирать молодым. Ему всего было лет пятнадцать или шестнадцать, на мой взгляд, когда я одним ударом меча по его горлу прервал короткую жизнь мальчугана. Однако тогда не придавал сему значения, но теперь с ужасом вспоминаю тот взгляд. За ним на меня кинулся еще один, которого проткнул мечом насквозь через щит. Глупец был уверен, что может спастись от моего удара. С каждой минутой количество нападавших увеличивалось в геометрической прогрессии. Одних рвал голыми руками, других разрубал на куски, упоаясь их криками. Я так сильно опьянел от крови, что в меньшей степени задумывался о причинах этой бойни, а как оказалось позже ими были борьба за свободу и жизнь. Как эпично вышло. Куда мне то со своей жадной мести людям, которые его, наверняка, не убивали. Когда начинается битва, время словно теряется в толпе воюющих сторон. Если бы остановили мгновение, подошли к одному из солдат и спросили его: «Который час?», хотя бы и приблизительно, тот произнес, что какой час бы сейчас ни был, то он не хочет продолжать бой. Время ломается с каждой новой жертвой. Клинок об клинок бьется и звенит. Сначала звуки коробят слух, угнетают, однако вскоре привыкаешь к ним, как и к тому, что вокруг тебя гибнут люди, падая и укладываясь стопочками, но стоит закончится войне, как бывшие кузнецы войны вдруг осознают себя ее рабами. К сожалению, не все расстаются с рабским повиновением страшной и ужасной. На этой почве люди даже с ума сходят.

Битва продолжалась целую вечность, она была передо мной, сзади, слева и справа, она съела меня, как огромный монстр, но переварить себя я упорно не давался. И когда он поперхнется и отступит, то единственный шанс спастись, лишь бегством, ведь стоит ему зализать свои раны, как его вечный голод заурчит с новой силой и не утихнет, пока хотя бы один человек будет жив. Чей-то клинок мне подло вонзился в спину, пронзив мое тело насквозь. Я обернулся, дабы глянуть в глаза тому трусу, что так подло решил расправиться со мной, и увидел молодые глаза, наполненные страхом и недоумением. Он совершенно не понимал зачем его пригнали сюда, заставляют убивать собственный народ и почему пронзенный насквозь враг стоит спокойно с дыркой в теле, глядя спокойно в его глаза. У него, наверное, и жены то еще не было. Я повалился на землю без сил. На моих глазах тому мальчишке отсекли голову. Жалко его. Меня больше не трогали, даже не наступили ни разу. Может от того, что бой уже затихал, или мы побеждали, ведь в ином случае меня бы уже закололи. Однако, не о том были мои мысли тогда. Я смотрел на хмурое небо и недоумевал, чего же оно сердится, хотя скорее грустит. С каждой минутой мне становилось сложнее дышать (да-да, когда для тебя кончается бой, то чувство времени, хотя и в искаженном виде к тебе возвращается). Я был ранен в живот, а для тех времен ранение смертельное. Мне кажется, что пролежал там вечность, но никто даже не думал убирать убитых и помогать раненым. Все поле было усеяно мертвыми и ранеными. Со всех сторон слышались стоны еще живых мальчишек. Мною было решено попробовать встать самому, ведь я понимал, что никто на помощь не придет. Мои попытки оказались мало

эффективными, однако я не сдавался. Стиснув зубы, корчась и крича от боли, я все же смог встать. Оглядевшись вокруг я лишь убедился в поле, которое война усеяла трупами. Ни одного человека стоящего прямо над всеми. Словно воевали не две стороны, а три, причем последняя являлась невидимой и похоже, что она победила в сражении. Однако вскоре стали появляться люди, они стали оттаскивать всех погибших за город, где для них уже были вырыты ямы еще до начала битвы. Люди в них скидывались стопками по 20—30 человек, хотя сама землянка высотой не превышала 2 метров, в ширину не больше 3, а в длину изредка превышала все те же 2 метра.

Я вдруг оказался у самых истоков. Все то, что когда-то радовало меня и давало стимул жить вдруг рассыпалось, как карточный домик. Конечно, у меня еще оставалась деревня, в которой так долго жил, но там никто не ждал, а даже наоборот. Возвращаться туда было бы огромной глупостью, которую совершать я и не думал. Остаться здесь – страшно. И дураку ясно, что смерч смерти, который пронесся по городу, лишь начало чертовой пляски, а участвовать в ней мне не хотелось, поэтому, не долго думая, я ушел в пустыню на долгие сорок лет. Пустыня с ее изнурительным солнцем стала испытывать меня. Несколько раз я находился на грани полного обезвоживания, однако мне до поры до времени удавалось обмануть госпожу смерть, но пару раз она все же настигла меня, когда очень долгое время не ходили караваны. За все мое пребывание в пустыне я не убил никого: ни животное, ни человека. Когда мною все же было решено вернуться в родные края, то обнаружил, что меня здесь ничего не держит, и я направился в Священный Рим.

9

Главное, чему меня научило предыдущее плавание в песках пустыни – не бояться смерти. Она может нагрянуть в любой момент, как подруга. Придет ли она в темный час или в светлый, ты должен спокойно принять ее и пустить в свой дом.

Мой путь лежал через пустыню, но другую, нежели которую знал раньше. В груди не было страха, разум стал чист, однако волнение перед неизвестностью отдавалось во всем теле легким трепетом. Теперь, покидая родные края, понимал, что сюда больше не вернусь, однако ни капли сожаления не было, ощущалась даже какая-то радость. Совсем детская и наивная. С первых шагов чувствовалось открытие передо мной огромного и неопознанного мира. Лихорадка счастья через несколько дней прикрылась усталостью.

До этого целых сорок лет я провел в скитаниях по пустыне и успел освоиться с бесконечным песком, вечно испепеляющим солнцем. Мой воспаленный мозг стал теперь выдавать такие мысли, от которых становилось даже страшно. Солнце теперь казалось таким близким, что казалось смогу дотянуться до него рукой, погасив его, словно один из небожителей. Стоя на земле я себя возомнил Богом. Сколько людских смертей видел за все эти, сколько раз умирал и восставал из пепла, подобно фениксу, а какая невероятная сила течет в моих жилах. «Разве не в этом заключен смысл обожествления людьми?» – наивно думал я в ту пору. Однако какая дерзновенность мысли, какой полет над бездной. До сих пор восхищает дерзость, с которой человек может возвысить себя выше Бога, и, смеясь, убивать, однако, более не было жажды лишать жизни живое. Ведь не по чести Христу было умерщвлять. Какая смешная ситуация, однако, Он дает жизнь, а человек ее забирает, топчет и превращает в одну большую игру, придумывая сам правила. Глупо и не ясно.

Проходив целые 40 лет, как Моисей, я смог убить в себе раба, если таковым и был. Теперь мои руки оказались свободные от оков работы, голые ноги стали ступать по нагретому до адских температур песку. Первые шаги доставляли невыносимую боль, которая очень скоро утихла. К концу дня для меня, и солнце остыло. С собой не было ни воды, ни еды, однако голод не мучил, во рту стоял соленый вкус крови. Стоило зайти небесному светилу за горизонт, как в моей памяти лентой побежали воспоминания о прошлой жизни. Перед глазами, как наяву, появились крысы, которые меня вскормили, девушки, которых мне так хотелось полюбить, старшего с младшей, кузня, виноградник – все оказалось потерянным в пучине прошлого.

Через пару дней перед моим взором появились острые горы, касавшиеся самых небес. Казалось, что именно там живут Боги, о которых я был так много слышал. Хотелось подняться к ним и пинками согнать их оттуда за такое управление миром, но вот гора не та. Я шел почти бесцельно, поэтому наслаждался окружающим меня пейзажем. Когда солнце стало опускаться за горизонт, то впереди себя увидел какую-то черную точку не похожую ни на что, виденное мною раньше. Мне стало интересно, поэтому ускорил свой шаг в его направлении. По мере приближения точка принимала все более отчетливые круглые черты. И вот я наткнулся на коричневый комочек из верблюжьей кожи, развернув который обнаружил младенца с закрытыми глазами и открытым ртом. Он, казалось, не дышал. В паре метров от меня стоял кактус. Я ринулся к нему, разодрал верхний слой, двумя руками выгреб сочную мякоть, которую выжал малышу в рот. После первых капель малыш захрипел, однако слезок не было, потому что его организм оказался истощен. Взяв маленького на руки, побежал к другим кактусам и сорнякам, из которых можно было выжать хотя бы пару капель, но вода не единственное, что ему было нужно. Увидев нечто похожее на крысу, прятавшуюся под песком, кинулся на нее, разорвал вдоль, выпотрошил внутренние органы, которые были очень горькие на вкус, и оставшееся мясо засунул себе в рот, отплеывая шерсть, разжевал и стал кормить младенца, подобно птице, кормящей птенца. Все сработало отлично, однако дальше носить маленького

в верблюжьей коже нельзя было, поэтому я оторвал кусок своей ткани и обернул его, закрыв головку от солнца, смоченной тканью. На третий день мои ноги опять почувствовали жар песка. Каждый шаг стал настоящей пыткой. Как на зло на моем пути не попадалось ни одного самого захудалого кустарника, малыш захлебывался в криках, а я вдруг вновь почувствовал весь ужас жажды, вскоре стало невыносимо идти, опустившись на колени, закричал во весь голос: «Воды, дайте хотя бы несколько капель». И вдруг небо стало черным в одно мгновение, полил дождь, который не кончился 80 дней и ночей. Малыш, который от истощения уже замолчал, вновь подал голос, что он еще жив. Пустыня наполнилась водой и расцвела всего в несколько дней. Сколько счастья было во мне, когда пошел спасительный дождь. Я стоял на коленях и смеялся, чувствуя каждую капельку на своем теле. Пустыня с каждым днем становилась зеленее, озера глубже, а дожди сильнее. Малютка оказалась девочкой с самыми красивыми голубыми глазами, которые напоминали мне гладь озера, они были столь же прозрачные и, казалось, что можно увидеть ее душу. Я назвал девочку Эва, а через пару лет добавил Цейла. У нее оказалось двойное имя Эла-Цейла, но для меня она была просто Эла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.